

Г. В. Цулая

ОСЕТИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ГРУЗИИ (Домонгольский период)*

*Василию Ивановичу Абаеву
посвящается*

Более 100 лет назад известный русский ученый Вс. Ф. Миллер писал, что из всех сведений, сообщаемых о предках осетин «древними авторами, мы должны поставить на первом плане то, что сообщается о них ближайшими южными соседями грузинами»¹. Значение грузинских источников определяется тем, что они, во-первых, свидетельствуют о роли предков осетин — алан (древнегруз. овсы и оси) в истории не только Грузии, но и Кавказа в целом, и, во-вторых, по ним можно воссоздать процесс внедрения индоевропейского по своей языковой природе древнеосетинского этноса в мир кавказских аборигенов. Тщательный анализ этих источников позволил Вс. Ф. Миллеру утверждать, «что грузины помнили о своих соседях оссах с тех самых пор, как начали помнить себя», и что предки осетин тесно «связаны с началом национального сознания грузин»². Применительно к древней истории осетин Миллер показал достоверность сообщений раннего цикла свода грузинских летописей «Картлис цховреба». Последнее обстоятельство для нас особенно важно, поскольку в статье рассматривается один из основных этапов проникновения предков осетин в Закавказье — от начала нашей эры до монгольского нашествия, и мы не раз будем обращаться к грузинским письменным источникам.

Характер этих источников различен: в цикле, относящемся к раннему средневековью, дается ретроспективное повествование о событиях в соответствии с устной исторической традицией; в памятниках XI — начала XIII в. отражены события, память о которых тогда была еще жива и значение которых продолжало быть актуальным.

В свидетельствах первого типа, аккумулированных в сочинениях Леонтия Мровели и Джуаншера Джуаншерияни (оба XI в.), как бы обобщена история предков осетинского народа и показано их значение в судьбах древнего Кавказа. Суть сведений Леонтия Мровели состоит в признании важной роли предков осетин в процессе этнообразования на Кавказе в древности. Согласно древнегрузинской исторической традиции, именно в связи с оседанием их на Северном Кавказе и возникла та этнографическая карта этого региона, которая в основных своих чертах продолжала существовать до позднего средневековья. Несмотря на отсутствие в сочинениях Леонтия Мровели сколько-нибудь строгой хронологии, историческая последовательность изложенных им событий вполне очевидна. Историзм прослеживается уже в самой экстраполяции упоминаемых им этнонимов. Это касается прежде всего переноса этнонима «хазар» в глубь веков и идентификации хазар со скифами, сарматами и их этническими преемниками.

Вторжение «хазар-скифов» на Северный Кавказ, начавшееся в VII—VI вв. до н. э., было для местных народов таким же поворотным событием, как для Грузии завоевания Александра Македонского и возникновение эллинистического мира. Хотя территория расселения картвельских (грузинских) племен и не стала ареной македонских завоеваний, эллинистический мир тем не менее оказался плотно придвинутым к Грузии, и это обстоятельство предопределило ее культурно-

* В статье употребляются бытовавшие в изучаемый период топонимы и этнонимы: для Грузии — *Картли, Иберия (Иверия)*, ее жителей — *картлийцы, иберы (иверы)*, для Осетии — *Алания, Овсети*, ее жителей — *овсы (овси, осы, осси), аланы, аланорсы*.

историческую перспективу, что в свою очередь имело положительные последствия и для Северного Кавказа.

Закономерна связь между завоеванием Римской империей эллинистического мира и активизацией движения предков осетин через Северный Кавказ и Закавказье, особенно с рубежа нашей эры. В событиях этого времени Грузия и Армения играли большую роль, отразившись как в местных, так и в иноземных письменных источниках³. С начала нашей эры аланы освоили на Северном Кавказе обширную территорию, распространив свое название на значительную часть местного населения. Они превратились в грозных соперников могущественных государств в борьбе за господство в Закавказье. С этим обстоятельством считались даже римские императоры. Провал плана массированного похода Нерона против алан был следствием не только наступавшей дворцовой анархии в Риме, но и особой сложности борьбы с ними. С этого времени (начало нашей эры) стало складываться то ядро аланского этноса, которое к X в., уже в новых исторических условиях, легло на основу овсской народности. А к середине I тыс. этническая ситуация на Северном Кавказе приобрела в принципе завершенные очертания.

Процесс проникновения предков осетин в Закавказье не был регулярным и проявлялся зачастую в военных вторжениях их в этот регион. Так, в 30—40-е годы I в. н. э. аланорсы, роксаланы и другие племена появились в Закавказье и выступили вместе с иберами на стороне Рима, воевавшего тогда с Парфией за гегемонию в Армении⁴.

В начале 70-х годов I в. н. э. аланы вновь вторглись в Закавказье. Этому благоприятствовали уже упоминавшаяся дворцовая анархия в Риме (в 69 г. власть захватил Веспасиан), открытость северных границ Восточной Грузии и военно-политическая активизация племен и народов Северного Кавказа. Аланы вместе с иберами (в союзе, как пишет Мовсес Хоренаци, с «почти половиной страны Иверийской»)⁵ опустошили в Закавказье многие районы. Привлечение аланами на свою сторону «почти половины страны Иверийской» должно свидетельствовать о разделении Картли в то время по меньшей мере на две части. Косвенное подтверждение этому находим у Леонтия Мровели, указывавшего на двоецарствие в Картли: к югу от р. Куры с центром в Армази (южная правобережная часть) и к северу от нее с центром во Мцхете (северная левобережная часть). По уровню экономического и этнического развития эти части Картли существенно различались. «На иберийской равнине,— писал Страбон,— обитает население, более склонное к земледелию и миру, которое одевается на армянский и мидийский лад; горную страну, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случаях каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов»⁶. Видимо, иберийские (картвельские) племена, жившие в северной части в соседстве со «скифами» и «сарматами», имели тесные связи с аланами и вместе с ними могли представлять опасность для великих держав древности.

В рассказе Леонтия Мровели о событиях 70-х годов I в. н. э. обнаруживаются наряду с «армянофильством», характерным для всей его хроники, признаки «аланно»- и даже «лекофильства». Овсы (а иногда и предки дагестанцев — леки) последовательно называются им раньше картлийцев⁷. Кстати, еще Вс. Ф. Миллер заметил, что грузинский хронист «не старается умалить успехов армянского оружия и значения помощи, оказанной грузинам их северными союзниками, особенно оссами. В рассказе заметно, что оссы с их двумя царями-великанами играли важную роль, отодвигая на задний план грузинских царей»⁸.

В таком случае возникает вопрос: кто чьим был «союзником»? Источники (в отличие от их интерпретаторов) утверждают, что именно аланы-овсы увлекли за собой иберов, и не упоминают о каком-либо призыве со стороны последних.

Надо отметить, что иберы имели в данном случае и свой интерес: воссо-

единение Картли. По мнению Г. А. Меликишвили, именно в этих целях правители северной Картли вступили в союз с аланами, и содержание известной «Армазской надписи» свидетельствует о победе (вопреки утверждениям Мовсеса Хоренаци и Леонтия Мровели) алан и иберов, способствовавшей усилению Картли⁹. В «Армазской надписи», составленной после описанных событий, говорится о картлийском правителе Митридате, «великом царе, сыне великого Фарсмана», военных успехах Иберии и т. д.¹⁰

Тацит в свое время писал, что цари иберов, албанов «и других народов» управляют, «ограждаемые со стороны пограничных государств нашим величием»¹¹. Обращает внимание то обстоятельство, что «ограждение» названных народов римским «величием» имело место в Сирии, в районе Евфрата. По Тациту получается, что северные окраины и пограничные земли, где жили перечисленные и подразумеваемые им народы, были постоянно уязвимы и это, конечно, вызывало известное беспокойство императоров, тем более что Алания проявляла военную активность.

Военные успехи алан и иберов в начале 70-х годов I в. н. э., заставили Рим упрочить свои позиции в Иберии. Сохранилась греческая надпись 75 г. н. э. об укреплении крепостных стен Мцхеты в ответ на «дружбу с кесарем и римлянами»¹². В течение последующих веков вплоть до эпохи гуннов аланы неоднократно вторгались в Закавказье и союзниками их нередко становились иберы. Когда же интересы алан и иберов не совпадали, аланы не останавливались и перед нашествием на Картли; симптоматично, что именно в таких случаях они чаще всего терпели поражение.

Появление гуннов нарушило безраздельное господство аланских (точнее сармато-аланских) племен на Северном Кавказе. Эпоха гуннов, по словам В. Б. Ковалевской, образовала как бы «своего рода мостик между предшествующим сарматским и последующим аланским периодами»¹³. Противоречивые алано-гуннские отношения в Европе не были, очевидно, характерны для Кавказа. Гунны, возможно, участвовали в нашествии алан на Картли в 40—50-х годах V в.¹⁴ Не случайно сопоставление ранних армянских и грузинских источников обнаруживает идентификацию этнонимов аланы и гунны. На Северном Кавказе гунны впоследствии были ассимилированы овсами-аланами. Вероятно, именно на этой тюркско-аланской основе первоначально и происходило сложение ядра балкарского и карачаевского этносов.

К собственно «аланскому периоду» восходят, вероятно, представления об овсах, зафиксированные в ранних грузинских письменных источниках. Древнегрузинская историческая традиция выделяет овсов из мира кавказских аборигенов. Они не являются потомками общего этнарха кавказских народов и не входят в этнонимический ряд кавказских аборигенов. Это мнение Леонтия Мровели созвучно с исторической основой вайнахского эпоса¹⁵. Здесь и возникает проблема соотношения двух таких категорий, как автохтонность этноса и этническая седиментация (оседание). Первая категория более или менее ясна, вторая, на наш взгляд, нуждается в изучении.

Этническая седиментация — процесс длительный и сложный. Вопреки мнению Р. Г. Дзатиатты¹⁶, факты эпизодического «приглашения» иноэтничных наемников «на гарнизонную службу в пограничных крепостях» или наличие состоящей из иноземцев «личной гвардии» у какого-либо правителя еще не могут быть расценены как этническое оседание и тем более образование особой этнической общности. Этническая седиментация приводит не к дисперсному расселению, а к параллельному этнокультурному развитию местного (автохтонного) и вновь осевшего населения, что влечет за собой существенные этнокультурные инновации преимущественно в среде последнего. В данном случае речь должна идти не об «автохтонности» осевшего этноса, а о возникновении в его среде автохтонной культурной традиции.

Древнегрузинское название осетин *овсы* и собирательно и конкретно¹⁷; в грузинских источниках отражена также экстраполяция этого этнонима.

Лабильность этнонимов в средневековье, отмеченная почти повсеместно, характерна и для Грузии. Так, воинство картлийского царя Вахтанга Горгасала (V в.) Джуаншером Джуаншеряни именовалось картлийцами несмотря на то, что «всяк из них молился своему богу»¹⁸, т. е. было разноэтничным; противники их назывались также обобщенно — овсы, хотя в их составе были и леки, и предки вайнахов — дурдзуки, и гунны¹⁹.

Сведения грузинских источников XI в. об овсах древнего периода выражены средствами героических эпосов как собственных, так и иноземных, но популярных в Грузии. Объективно они свидетельствуют о стихийном, так и не завершившемся процессе внедрения предков осетин в культурно-политическую инфраструктуру древнегрузинской государственности. Внимательные к «кавказским делам» византийские авторы в течение 100 лет — с конца VI до конца VII в. — молчат об аланах: их интерес прикован к хазарам, установившим на Северном Кавказе свое господство²⁰.

Это было время заката древнегрузинской государственности и одновременно окончания первого этапа интеграции алан в историю грузинского народа. На этом отрезке времени завершается древняя история и Картли, и Алании; начинается период их средневековой истории.

Господство хазар на Северном Кавказе привело к сближению алан-овсов и грузин. В Алании, оказавшейся между хазарами и византийцами, возникают проблемы собственной политики. Роль алан исключительно как воинов, склонных к стихийным набегам, и воинов-наемников постепенно уходит в прошлое. В начале VIII в. византийским правителям так и не удалось организовать набеги алан с Северного Кавказа на Абазгию, Лазику и Иберию²¹, хотя наряду с группой политических сторонников византийцы находят среди алан и просто наемников²². Трудно по источникам установить истинную роль алан на Северном Кавказе в период хазарского владычества. Арабский автор Фаризи, например, писал в 722/3 г., что в VIII в. хазары и аланы составляли одно царство²³. Во всяком случае о паритетных отношениях алан и хазар может свидетельствовать сохранение арабами обоих этих этнонимов в наименовании Дарьяльских ворот — «Ворота хазар и алан»²⁴.

Установление арабского господства на Кавказе знаменовало новый этап в истории его народов. Выдвижение Багратидов в Закавказье с конца VIII в. способствовало, с одной стороны, росту самосознания консолидировавшихся картвельских племен, с другой — активизации населения значительной части Северного Кавказа. Антиарабское движение в Закавказье укрепляло здесь византийское влияние и давало новый импульс политической ориентации народов Северного Кавказа. В 662/3 г. произошло первое военное столкновение арабов с аланами²⁵. После прихода в халифате к власти династии Аббасидов (749—1258 гг.) первый же ее представитель, «понимая политическую и стратегическую роль Закавказья»²⁶, начал свое правление с завоевания Дарьяльского ущелья — уже упоминавшихся «Ворот хазар и алан», именуемых арабами «Баб-ал-Алан».

Политическое значение Закавказья в IX—XI вв. определялось такими важными событиями, как образование феодальных государств Грузии и Армении, и той ролью, которую играли в этом процессе народы Северного Кавказа. Н. Я. Марр отмечал, что в процесс развития государственности Грузии иногда «вовлекались и негрузинские племена, но их положение бывало различно в зависимости от степени их национальной зрелости. Абхазы также выступали политически передовыми бойцами этой своеобразной государственной организации»²⁷. Комментируя этот тезис, Н. А. Бердзенишвили писал, что в перечень «негрузинских племен», попавших «в водоворот» объединения Грузии, с полным основанием надо включить осетин, хундзов и др.²⁸ Вовлечение в этот «водоворот» различных племен и народов Закавказья и Северного Кавказа несомненно способствовало развитию у них собственной государственности и определению их культурной ориентации. Не составляли исключения и овсы-аланы, но их история оказалась в какой-то степени сопряженной также с другими событиями в Закавказье и с

окончательным торжеством здесь духовных канонов византийского культурного мира.

На исходе VIII в. владетель Абхазского княжества Леон, воспользовавшись временным ослаблением византийского двора, объединил всю территорию расселения древнеабхазских и западнокартвельских племен в Абхазское царство и стал фактически соперником Византии едва ли не во всем Восточном Причерноморье²⁹. Политическая инициатива в Закавказье и особенно в Грузии на ближайшие десятилетия перешла в руки правителей Абхазского царства³⁰. В течение всего X в. они оказывали заметное влияние и на общественную жизнь населения Северного Кавказа. Сведения об этом сохранились в источниках различного жанра. В послании абхазскому правителю Георгию II (922—957 гг.) константинопольский патриарх Николай Мистик выражал ему свое удовлетворение успехами абхазского клира в распространении христианства среди алан. Грузинские источники сохранили этот сюжет в ином концептуальном плане, о чем мы скажем ниже. Известно, что в X—XI вв. разгорелись яростные споры между грузинскими духовными деятелями на территории Византии и ромейскими иерархами: последние подвергали сомнению право самостоятельного толкования грузинами на собственном языке Священного писания, т. е. право на духовное самовыражение. Византийцы утверждали, что ни один народ не правомочен считать свою церковь самостоятельной (автокефальной), а свой язык заслуживающим быть богослужебным, если этому народу в свое время не проповедовал один из апостолов Христа³¹.

В грузинских памятниках эта полемика отражена в различных версиях апокрифического произведения «Хождение и проповеди всехвального и славного апостола Андрея» (о миссионерской деятельности Андрея Первозванного), восходящего к литературе ранневизантийской эпохи. Грузинские версии содержат факт, упоминаемый в послании Николая Мистика Георгию II. Приведем фрагмент апокрифа: «И шествовал с ним (Андреем) Симон, который был именован Кананитом, и Маттафий, что был призван вместо Иуды, и Фаддей с ними же. И вот они достигли города Эдесы, в котором и остался Фаддей у правителя Авгаря... А славный Андрей и вместе с ним прочие шествовали из города в город и из селения в селение, научали народы и творили знамения и так достигли страны Картлийской и до [самой] реки Чорохи неустанно проповедовали имя Господне.

Затем вступили в землю сосанигов, а в стране той правила в те дни некая женщина правительница, которая также уверовала в те проповеди апостолов. А Маттафий с прочими при нем учениками остался в той части, а великий Андрей с Симоном вступил в страну Овсетскую, и достигли они города, который называется Фостафори, где они исполнили великие знамения и обратили и просветили несчетные [массы] людей. Отсель удалились и вступили в страну Абхазскую и достигли города Севаста и проповедовали они [здесь] слово богомудрое, и многие с радостью восприняли ту проповедь. И здесь оставил блаженный Андрей Симона Кананита с прочими учениками, а сам взшел в землю Джикетскую...

А могила Симона Кананита находится в городе Никопс, между Абхазией и Джикетией...»³².

Приведенный текст содержит важные для нашей темы сведения. Прежде всего это связь неустанных проповедей Андрея Первозванного с определенной территорией — Абхазским царством от р. Чорохи и до г. Никопс, расположенного «между Абхазией и Джикетией»; управляемые «некоей женщиной» сосаниги — это либо грузинская форма этнонима саниги, затем искаженная переписчиком, либо искаженный переписчиком этноним сваны, либо его вариант³³. Существование г. Фостафори подтверждается и «Армянской географией» VII в. (Фосфорон)³⁴. По-видимому, этот город с X в. стал одним из опорных мест распространения христианства в данной части региона: здесь, в соседстве Абхазии с Аланией-Овсети, Андрей и Симон, согласно древнегрузинской письменной традиции, «исполнили великие знамения и обратили и просветили несчетные [массы] людей».

Естественно, хронологически все эти события и факты отнесены ко времени, когда к распространению христианства на Северном Кавказе подключились представители Абхазского царства, и свидетельствуют о той роли, которую играли вышедшие из них миссионеры в пунктах и областях, отмеченных в приведенном апокрифе. Очевидно, с этого времени — X в. в Алании в сфере христианского миссионерства с греческим языком стал соперничать грузинский.

К сведениям приведенного источника примыкают и данные осетинского языка, в котором, как неоднократно отмечалось исследователями, ряд терминов, «связанных с христианской пропагандой и культом», восходит к грузинским³⁵. Нижней хронологической чертой внедрения в осетинский язык грузинской христианской терминологии, очевидно, и надо считать время наибольшего влияния Абхазского царства на Аланию-Осетию.

В письменных источниках послеарабского периода, когда начался процесс образования феодального Грузинского царства Багратидов, в частности в грузинских источниках, впервые появляется обобщающий осетин этноним *овси* (мн. ч. *овсни*). Это свидетельствовало о свершившемся в представлении «иноземцев» факте определенного этапа консолидации осетинского этноса³⁶. В действительности положение могло быть сложнее. В грузинских источниках этноним *овси* имел конкретное значение, что отнюдь не всегда было присуще живой народной речи. Известный кавказовед Л. Лопатинский писал, что «абхазы называют весь Северный Кавказ *Ас*»³⁷. Этому соответствует и смысл одной грузинской поговорки, которую мне приходилось слышать в детстве: «Тавис убедури каци Осетс гакидесо» — «Непутевого бедолагу, молвят, продали [в рабство] в Осетию». Вряд ли в этой поговорке, распространенной преимущественно среди мегрелов, живущих в тесном соседстве с абхазами, под «Осетию» подразумевалась лишь Осетия, а не весь Северный Кавказ.

Алания, как уже отмечалось, вовлекалась в русло исторического развития Византии и Абхазского царства. В Алании получает распространение греческая письменность и возникают условия для создания своего письма с применением греческих букв. «Зеленчукская надпись», как признают ученые, «не производит впечатления первого и неуверенного опыта выражения аланских слов греческими буквами»³⁸. Язык надписи свидетельствует о приверженности ее автора грекофильской традиции, на что кроме особенностей графики указывают греческие формы личных имен (что мы встречаем и у Леонтия Мровели).

Расцвет Аланского государства совпадает, судя по источникам, с завершением процесса образования объединенного Грузинского царства и в известной мере связан с ним. С этого времени (XI в.) начинается новая полоса в развитии каждого из этих государств, в новый этап вступает и процесс их культурного взаимопроникновения.

Как известно, средневековые летописцы и хронисты уделяли мало внимания быту народных низов, их привычным контактам с миром иных этносов, часто и естественно приводившим к «переливу» в контактных зонах части этноса из одного в другой. О характере этого явления среди осетин и грузин свидетельствуют термины их хозяйственной деятельности, а уж ею занимались почти исключительно народные массы. В. И. Абаев установил, что ряд названий огородных растений, плодов и овощей в осетинский язык попали из грузинского; осетины в этом отношении нередко выступали промежуточным звеном между грузинами и другими народами Кавказа³⁹.

С начала XI в. между Грузией и Осетией устанавливается традиция династических браков. Обстоятельно описанные в грузинских средневековых источниках, эти браки красноречиво свидетельствуют о сложных путях политического и культурного сотрудничества предков осетин и грузин, о языковой ситуации и т. д. По данным источников, царь Грузии Георгий I (1014—1027 гг.) был женат вторым браком на осетинской царевне, носившей тюркское имя Алде. О ней как грузинской царице упоминает и византийский историк рубежа XI—XII вв. Георгий Кедрин⁴⁰. Сын Георгия I от этого брака Деметре оказал своему сводному

брату Баграту IV активное сопротивление в борьбе за овладение тронem. После смерти Георгия I Алде и Деметре перебрались в Анакопию (Абхазия), чтобы отсюда вести борьбу за власть. Стремление Баграта IV и поддерживавшей его части грузинских и абхазских вельмож договориться с Деметре оказалось безуспешным. В результате Алде и Деметре передали Анакопию Византии и удалились в Константинополь (1033 г.). Таким образом, внутридинастическая борьба в Грузии привела к отторжению от Абхазии ее исторической территории, а опасность византийского владычества в Грузии становилась все реальнее⁴¹.

Отголоски этих событий сохранились в фольклоре осетин, в частности в Нартовском эпосе (сказание «О гибели Алди от горя»)⁴². Тот же сюжет лапидарно запечатлен в осетинской поговорке: «Подобно Алди лопнула от злости»⁴³. Произошла двойная фиксация связанного с абхазами, грузинами и осетинами исторического факта: фольклорная — осетинская и летописная — грузинская.

Очевидно, к этому периоду относится сложение в среде осетин и легендарной генеалогии осетинских династов Царазонта — Цезаридов: она вписывается в ту культурно-политическую ситуацию, которая должна была сложиться в Алании в результате приобщения ее к византийскому миру. В. А. Кузнецов полагает, что род Царазонта в прошлом принадлежал к родовой аристократии и «высокое его положение в феодальном обществе было продолжением давно сложившейся традиции»⁴⁴. Присвоение этим родом пышного титула и создание указанной генеалогии могло произойти, по мнению В. И. Абаева, лишь по достижении в Алании определенной степени этнической консолидации. «Чтобы поставить себя выше других местных алдаров (князей. — Г. Ц.), правители объединенной Алании нуждались в более престижном, более громком титуле, и они назвали себя Цезарон — наследниками Цезарей»⁴⁵. В. И. Абаев считает, что этот титул должен быть связан с византийским «кесарь», присвоение же его аланскими династиями он относит предположительно к X в. «Во всяком случае, — утверждает В. И. Абаев, — в XII веке это наименование уже существовало»⁴⁶. Все это согласуется с той культурно-политической ситуацией, которая к XII в. сложилась на Северном Кавказе, в частности в Алании, втянутой в круг закавказских стран византийского мира. Но аланская династическая генеалогия впоследствии, очевидно уже в послемонгольскую эпоху, растворилась в других фамильных преданиях, повествующих о происхождении «всех осетин».

С первой половины XI в. грузинско-осетинские связи качественно трансформируются. По уровню социального развития Алания отличалась от феодального Грузинского царства примерно так же, как могло отличаться общество с зачатками письма от общества с развитой письменной культурой. И если в концепции внешней политики великих держав (например, Византии) этому обстоятельству практически не придавали значения, то во взаимоотношениях между Грузией и Аланией оно не могло не ощущаться. Приоритет грузинской творческой культуры с развитой традицией был очевиден. Не случайно литературные дарования членов царской семьи, осетин по происхождению, проявлялись именно на грузинском языке. Этот феномен ограничивался элитарным кругом осетин, но, вероятно, и в таком случае этническое самосознание осетинской элиты, породнившейся с грузинскими династиями, отличалось амбивалентностью. Авторы XII—XIII вв., упоминая членов грузинской царской семьи, осетин по происхождению, неизменно подчеркивают их этническую принадлежность, что могло быть указанием на реальное их самосознание.

Династические браки в конечном счете отражали общность политической жизни Грузии и Алании (насколько это было возможно в условиях феодальной формации). С XI в. и вплоть до установления в Закавказье монгольского господства традиция таких браков не прерывалась. Сын грузинского царя Георгия I Баграт IV (1027—1072 гг.) был женат на Борене, дочери осетинского царя Урдуре и сестре его преемника Дорголела. В борьбе с иноземным господством на Кавказе династические браки между грузинами и овсами приобрели значение и как одна из форм их политического союза. Об этом в какой-то степени свидетельствует

совместная освободительная борьба грузин и овсов против сельджуков, одним из руководителей которой был шурия Баграта IV, осетинский царь Доргодел⁴⁷.

Окончательно оформившиеся как северокавказская этнополитическая общность, осетины приобщаются к грузинским традициям и нормам индивидуального творчества (по крайней мере, в кругу феодальной элиты). Царица Борена известна в истории грузинской литературы как автор популярного духовного стихотворения⁴⁸, которому грузины придавали огромное значение: оно было воспроизведено на чеканной иконе Богоматери, сохранившейся в церкви Спаса в Сванети. Это стихотворение, в котором звучат интонации грузинской народной поэзии, грузинские духовные поэты имитировали даже в XIX в.⁴⁹

Со времени Давида IV Строителя (1089—1125 гг.) царские дома Грузии и Алании-Овсети по существу уже представляют общий клан, а в отношениях двух стран намечается еще одна тенденция. До сих пор осетинские династы отдавали своих дочерей в жены грузинским царям. Грузинский же царь Давид IV Строитель выдает свою дочь за одного из представителей царского рода осетин, и отныне отношения «донорства невест» становятся «паритетными». Этот факт может быть расценен в ряду показателей возросшего места правящего дома алан-овсов в политических акциях грузинских правителей. Георгий III (1156—1184 гг.) еще при жизни своего отца царя Димитрия (начало 1150-х годов) был женат на царевне Бурдухан (умерла в начале 1180-х годов), дочери правителя Алании Худдана. От этого брака родилась Тамар, известная в истории Кавказа правительница Грузии и супруга осетинского царя Сослана Царазонте (Цезарида).

Показательно, что даже тщательно оберегавшие «чистоту» своей генеалогии византийские деятели весьма благосклонно относились к наличию в ней именитых кавказских династов, хотя весьма своеобразно оценивали их этническую принадлежность. Так, известный византийский эрудит Иоанн Цец, именовавший себя «знатным ивиром», кичился своей генеалогией, восходившей по материнской линии к Марфе-Марии Аланской — супруге императора Никифора Вотаниата, дочери грузинского царя Баграта IV и уже упоминавшейся Борены — аланской царевны и грузинской поэтессы. По словам Цеца, его прабабка-абхазка была в кровном родстве с Марфой-Марией, тоже абхазкой (!), а не аланкой⁵⁰. Иными словами, Иоанн Цец считал абхазов, алан и иверов одним этносом⁵¹, точно так же, как еще в середине VIII в. арабские авторы объединяли в одну общность алан и хазар (см. выше). Очевидно, конфессионально-политическое единство всего этого конгломерата народов Иоанн Цец осмысливал на уровне генеалогического родства.

К XII в. далеко зашедшее династическое породнение между Грузией и Аланией-Овсети стало чревато нарушением строго соблюдаемой осетинами и грузинами экзогамии. Д. Г. Тогошвили заметил, что даже вероятность причастности Сослана к Багратидам могла помешать его браку с царицей Тамар⁵². Для обоснования правомерности предстоящих браков между грузинскими и осетинскими династами были использованы имевшие законодательный характер Священные писания. Параллельно с легендой о грузинских Давидах грузинами же была создана легенда об осетинских Ефремидах. Лишь таким образом могло быть преодолено препятствие на пути династических браков, в частности брака между осетинским царем Сосланом и грузинской царицей Тамар, незадолго до этого по причинам, до сих пор не выясненным, разведенной с русским княжичем Юрием Боголюбским (в Грузии — Гиорги Руси). Об инкорпорации Сослана в царствующую элиту Грузии имеются следующие известные свидетельства письменных источников. «Был в доме Русудан, — пишет анонимный историк царицы Тамар, — отрок из детей Ефрема, которые суть овсы, люди мощные и сильные в бою. Сия царица Русудан, потому как сестра ее отца, Давида, была в замужестве в Овсети, ввела его на воспитание в свой дом. И видели приходящие и проходящие, что был он добрый молодец, румянолицый, широкоплечий, прекрасен ликом и статью мерный и обоюдно царского рода»⁵³. И в том же источнике: «Или кто был достоин славить рыцаря Давида, подобного Бакатару и Тархану, —

Ефремида, величественного исполина и витязя, равного Ростому и Гиву»⁵⁴. О Сослане «из колена Ефрема» уверенно говорится и в одах Чухрухадзе⁵⁵, и ко всему этому, пишет К. С. Кекелидзе, восходит титул Сослана — «Ефреמיד»⁵⁶.

Сослан, в грузинской среде нареченный наиболее престижным в то время у местных династов именем Давид, настолько вписался в историю Грузии, что занял особое место в галерее ее национальных героев. Его осетинское имя вошло в антропонимическую культуру грузин. Гениальные поэты Шавтели и Чахрухадзе в восторженных стихах запечатлели его образ, ни разу при этом не забывая о его этнической характеристике, и слово *овси* применительно к Сослану-Давиду было таким же этническим определителем, как и в случае с Овсом-Бакатаром, образ которого — один из наиболее популярных в жанре книжных легенд средневековой грузинской литературы. Одним словом, в самой мифологизации Сослана-Давида в грузинской литературе органически слились осетинские и грузинские исторические и фольклорные мотивы, его образ тесно связан, с одной стороны, с сохранившимися в грузинской литературе романтизированными древнеосетинскими героями Овсом-Бакатаром и Тарханом, с другой — с очень популярными среди грузин и ими «ассимилированными» героями местной версии древнеиранского эпоса «Шах-Наме». Все это может служить, по крайней мере, косвенным свидетельством о маргинализованном этническом менталитете Сослана-Давида. Руствали называют Сослана-Давида Честью и Львом-Оруженосцем Тамар, т. е. ее полководцем, и без преувеличения можно сказать, что роль и место алаано-осетинского царя вполне равнозначны тем, которые принадлежали известным в истории Грузии обармянившимся курдам Захарию и Иванэ Мхаргрдзели. Разница лишь в социальном статусе: в отличие от правителя Грузии Сослана-Давида, Мхаргрдзели были людьми служилыми.

В XI в. сближение Грузии и Алании еще более усиливается, становятся все очевиднее общий исторический путь развития, общая культурно-идеологическая ориентация этих стран. Претерпевают изменения и представления о седиментационном прошлом осетин на Кавказе. Отныне в сознание осетин должно было внедриться убеждение в их местном, кавказском происхождении. В том же должны быть уверены и их соседи. Это было вполне достижимым, ибо идея о неавтохтонности осетинского этноса на Кавказе, высказанная Леонтием Мровели в период расцвета здесь средневековой письменной культуры, не получила распространения, став достоянием одних лишь книжников. Справедливости ради надо сказать, что идея эта чужда всякому противопоставлению местных аборигенов потомкам Уобоса (как именовал грузинский хронист этнарха осетин), первоначально создавшим свой «дом» на территории от Центрального Предкавказья до западных отрогов Главного Кавказского хребта. Напротив, смысл обработанного Леонтием Мровели древнегрузинского мифа заключался в объяснении современной ему этнической карты Кавказа.

А как представляли себе сами «потомки Уобоса» свою родословную, свой «дом»? У многих народов мира передаются из поколения в поколение этногенетические предания, и осетины в этом отношении не являются исключением. Обратимся к сведениям о происхождении осетин и их появлении на Кавказе, сохранившимся в этногенетических легендах.

Генеалогические предания народов византийского культурного круга, в частности его кавказского ареала, связаны с ветхозаветной традицией через раннехристианскую историософию⁵⁷. Они отражают этап этнообразования, предполагающий осознание народом своего места в известном к тому времени мире. Не случайно первые историки начинают повествование о своем народе именно с его генеалогии.

Дошедшие до нас в позднейших устных редакциях генеалогические предания осетин свидетельствуют о наличии у них развитой устной исторической традиции. Зачин предания — обычный для памятников такого жанра. «В незапамятные времена из далекой южной страны Мислуг (? — Г. Ц.) вышли три брата — Ос, Картул и Лек. Ос овладел страной в горах и стал родоначальником собственно

осетин; Картул основал свое царство «около Тифлиса», и от него пошли картатинцы (карталинцы); Лек удалился на восток, создал там свое царство и стал родоначальником дагестанцев. Затем потомки Оса становятся родоначальниками известных в Осетии родов — Сидамона, Дцадардцона (Царазона), Агузона, Кусагона и др., к которым в свою очередь восходят названия осетинских территорий на Кавказе⁵⁸.

Едва ли можно сомневаться в том, что генеалогическая легенда осетин формировалась с ориентацией на аналогичные легенды других кавказских народов, прежде всего грузин, изложенные Леонтием Мровели. На это указывают сходство композиций грузинской и осетинской легенд, а также конкретные факты, в частности имена мифических этнархов — Картул (груз. Картлос)⁵⁹, Лек и Ос (последнее на каком-то этапе, возможно, вытеснило архаическое Овс)⁶⁰.

Приведенная генеалогия, являющаяся составной частью кавказского субстрата в духовном мире индоевропейцев-осетин⁶¹, свидетельствует об осознании овсами своего места в кругу кавказских народов. В отличие от Леонтия Мровели, четко отделявшего этнарха осетин Уобоса и его потомков от кавказских аборигенов, творцы осетинской генеалогии уже не считают это актуальным. Ос — такой же «брат» Картлоса и Лека, как и являющиеся «братьями» этнархи кавказских народов в сочинении Леонтия Мровели, а потомки Оса, следовательно, такие же аборигены населенной ими территории, как картлийцы и дагестанцы. Если в схеме Леонтия Мровели этнарх картлийцев (и вообще картельских племен) отодвинут как бы на второй план, в генеалогии осетин собственному этнарху отведено ведущее место. Каково бы ни было в деталях содержание этой генеалогии, она свидетельствует прежде всего об определенном этапе развития сформировавшегося уже на Кавказе средневекового осетинского этноса. Основное же ядро генеалогии — соотношение упоминаемых в ней эпонимов и этнонимов-ретроспективно отражает ситуацию эпохи расцвета государства алановсов и соответствующий уровень их самосознания накануне монгольского нашествия.

Представляется, что генеалогия алан-овсов имела чисто книжное происхождение. Фольклорная традиция даже грузин (не говоря о других народах Кавказа) генеалогических сюжетов грузинского хрониста не знала, но сама идея генеалогии была общей для народов византийского культурного мира⁶². Поэтому можно думать, что у овсов этническая генеалогия сформировалась в интеллектуальной среде через усвоение грузинской письменной культуры. Именно благодаря этому творческому процессу овсы выразили себя как определенная этническая общность, осознающая свое место в иерархии известных и исторически наиболее близких им народов.

Следует подчеркнуть, что грузинская образованность осетин никогда не приводила к их ассимиляции, для которой, как известно, необходимо наличие определенного комплекса факторов, а в их ряду распространение книжности отнюдь не может быть решающим. Напомним, что Борену — супругу грузинского царя и грузинскую поэтессу воспринимали как аланку (осетинку).

Изменения, внесенные овсами в теорию Леонтия Мровели, имеют принципиальный характер и свидетельствуют о качественно новом этапе этнической истории осетинского народа. Идея этнической генеалогии алан-овсов — автохтонность предков осетин на Кавказе. Если Ос, Картлос и Лек «братья», то это прямое свидетельство осознания осетинами своего генетического родства с грузинами и народами Кавказа в целом. Кстати, этот же принцип и у Леонтия Мровели: родство этнархов по «крови» — главный, хотя и не единственный, показатель генетического родства восходящих к ним народов.

Возникает вопрос: где и когда могла возникнуть этническая генеалогия овсов?

Форма эпонима Ос — чисто грузинская. Ни аланам, ни их этническим преемникам на Кавказе она не была известна. Не были приобщены осетины на Северном Кавказе и к грузинской образованности, по крайней мере в тех масштабах, какие были бы достаточны для творческого восприятия письменной куль-

туры грузин. Условия для этого могли сложиться только в местах компактного расселения осетин в Грузии, чего в домонгольское время не было. На территории нынешней Юго-Осетии осетины стали поселяться не раньше XIV в. в районах, население которых сильно поредело в ходе борьбы с монголами. Очевидно, еще до появления осетин здесь возникло грузинское феодальное владение Ачабети. Впервые в грузинских источниках оно упоминается в связи с иноземными нашествиями и внутренними междоусобицами в Грузии XVI в.⁶³ О нем также сообщается в «Армянской географии» VII в., как мы полагаем, в поздней ее интерполяции. «На севере от великой реки Куры,— говорится в этом источнике,— против гавара (области.— Г. Ц.) Тавр [расположены] горы Аргветские [с одноименным гаваром]. В этой стороне находится Дуанское Поле, [гавары] Ачабетис-хев, [Реха], Гуердис-дзири и Кусх — до [самого] гавара Сацхумет, который расположен у подножья Кавказа»⁶⁴. Согласно этой интерполяции, Ачабетис-хев (Ачабетское ущелье) является одним из 13 гаваров Верхней Картли и занимает территорию в 175 км². Пережиточно название этого гавара сохранилось в наименовании селения к северу от г. Цхинвали (древнегруз. Крцхинвали), первое упоминание о котором зафиксировано в грамоте мцхетских каталикосных владений 1392 г.⁶⁵

По данным грузинских и армянских источников, топонимия края — грузинская, с грузинскими топообразовательными формантами⁶⁶. Именно здесь, но уже в послемонгольскую эпоху, когда на территории Ачабети, по словам грузинского географа и историка середины XVIII в. Вахушти Багратиони, сформировалось к западу от Крцхинвали (Цхинвали)⁶⁷ компактное осетинское население со всеми структурами самостоятельной этнокультурной общности, и могла возникнуть этническая генеалогия осетин, осознавших себя исторически и культурно связанными с грузинами периода расцвета их государственности.

Процесс инкорпорации Аланского государства в круг народов византийского мира начался не позднее VII в. в среде западных алан. Через Аланию проходили пути, связывавшие степи Северного Кавказа и Западного Закавказья с Причерноморьем⁶⁸. Стремление персов и арабов, византийцев и хазар к господству над этими коммуникациями стало одной из острых международных проблем того времени⁶⁹. В таких условиях и происходило сближение с Византией западных алан, а через них и ряда других народов Северного Кавказа⁷⁰. Завершившаяся с победой в IX в. иконопочитания провизантийская культурно-идеологическая переориентация Грузии должна была способствовать более активному вовлечению в этот процесс и Алании-Овсети. Византийская идеология (прежде всего в форме христианской религии) пустила здесь довольно глубокие корни и практически стала необратимой. Это обстоятельство наряду с грузино-аланскими династическими браками способствовало изобретению грузинами генеалогии алано-овской династии. Очевидно, генеалогия эта у овсов не нашла отклика. Грузинская правящая элита была заинтересована в повышении престижа осетинских царей и поэтому увязала происхождение их (как и царей Грузии) с традициями библейских генеалогий. Все это свидетельствовало о том, как представляли или хотели представить себе грузины реальное место осетин в историческом процессе в самой Грузии.

Характерно, что былая роль византийцев в церковно-идеологической жизни Алании практически не сохранилась в памяти народа, зато многовековые связи с картлийцами, совместно пройденный нелегкий путь не забыты. В народном творчестве осетин немало ярких сюжетов, свидетельствующих о тесных контактах с грузинами в прошлом, особенно в эпоху царицы Тамар. «Многочисленные развалины церквей,— писал Вс. Ф. Миллер,— до сих пор существующие не только в закавказских частях Осетии, но и на севере, в Дигории, в Куртатах и Заках и т. д., приписываются народными преданиями этой великой грузинской царице»⁷¹. Вс. Ф. Миллер зафиксировал осетинское предание о царице Тамар («Тамар-дедопали»), в котором прослеживаются грузино-осетинские ассоциации народной этимологии местных топонимов. Кроме того, и это особенно важно, грузинская

историческая личность стала субъектом народного творчества осетин, грузинский исторический сюжет вписался в структуру осетинского фольклора.

На протяжении столетия, предшествовавшего установлению господства монголов в Армении, Грузии, а затем и повсюду на Кавказе, жизнь грузин, алан и других местных народов была сосредоточена преимущественно на созидании и для их взаимоотношений характерны были в основном дружеские контакты — культурные, торговые и др., насколько, разумеется, все это оказывалось возможным в условиях феодализма с его хроническими социальными и межплеменными коллизиями. «С конца XI в. до появления монголов в первой четверти XIII в., — писал Н. Я. Марр, — длится самое блестящее культурное развитие, до которого только довелось дожить до сих пор грузинскому народу»⁷². В горниле грузинского народного творчества переплавлялись целые сюжеты и даже отдельные памятники письменной культуры («Амиран-Дареджаниани», «Витязь в тигровой шкуре» и др.), причем творчество это широко распространялось, по словам Н. Я. Марра, «и в устной литературе негрузинских племен, как, например, осетин»⁷³.

Впоследствии, особенно в XIV—XV вв., когда «произошел перерыв в культурном развитии Грузии христианского периода», когда «со страшным государственным крушением, вызванным монгольским нашествием и послужившим чудовищною гранью между древнею и новою Грузиею, пошла ко дну почти вся древнегрузинская светская литература»⁷⁴, в Грузии, как и на Кавказе в целом, значительное число некогда цветущих областей пришло в упадок. Население, разоренное завоевателями, вынужденное участвовать в их чуждых ему походах, отрывалось от своего культурного мира. Монголы и войска Тимура поставили народы Кавказа перед фактом возможного физического истребления; варваризация края не только разобщила их, но и противопоставила друг другу. В результате осетины, являвшиеся в истории Грузии фактором преимущественно центростремительных тенденций, в какой-то степени способствовавшие ее объединению, стали все чаще выступать в роли центробежных сил. Эта их роль восходит к периоду разложения феодализма в Грузии. Но это уже особая тема.

Примечания

¹ Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Т. III. М., 1887. С. 15.

² Там же. С. 24.

³ Наиболее полный свод сообщений грузинских авторов см.: Картлис цховреба (История Грузии)/Изд. С. Г. Каухчишвили. Т. I. Тбилиси, 1955; Т. II. Тбилиси, 1959 (на древнегруз. яз.). Первый том открывается сочинением Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей» (С. 1—78).

⁴ Сведения армянских авторов и их анализ см.: Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I—X вв.). Ереван, 1968.

⁵ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 339—340.

⁶ Габриелян Р. А. Указ. раб. (древнеарм. текст, с. 33).

⁷ Страбон. География/Пер., статья и комм. Г. А. Стратановского. М., 1964. С. 474.

⁸ Цулая Г. В. Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонтия Мровели//История СССР. 1987. № 4.

⁹ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 28.

¹⁰ Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси, 1970. С. 519 (на груз. яз.).

¹¹ Церетели Г. В. Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского//Тр. 25-го Междунар. конгресса востоковедов. Т. I. М., 1962. С. 374—378.

¹² Тацит Корнелий. Сочинения в 2 т. Т. I. Л., 1969. С. 116.

¹³ Каухчишвили Т. С. Греческие надписи в Грузии. Тбилиси, 1951. С. 234. и сл. (на груз. яз.); Церетели Г. В. Греческая надпись времен Веспасиана во Мцхете. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).

¹⁴ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984. С. 112; см. также: Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 11 и др.

¹⁵ Ковалевская В. Б. Указ. раб. С. 108.

¹⁶ Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о «нашествии хазар» и ее параллели в фольклоре народов Кавказа//Кавказ и Византия. Т. 5. Ереван, 1987.

¹⁷ Дзатицкаты Р. Г. Аланы в Закавказье//Тез. докл. на I Междунар. конференции «Осетинское наследие: история и современность». Владикавказ, 12—18 окт. 1991 г. Владикавказ, 1991. С. 42.

- 17 Полный свод и анализ материалов на эту тему по данным практически всех источников даны в работе: Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966; см. также: Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 9—21.
- 18 Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала/Пер., введ., примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 64.
- 19 Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т. VIII. Тбилиси, 1973. С. 268 (на груз. яз.).
- 20 Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. Отд. II; см. также комм. Бибилова М. В. в кн.: Константин Порфирогенет. Об управлении империей. М., 1991. С. 332.
- 21 Джанашиа С. Н. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики // Вестник (Мацне) АН ГССР. Сер. истории. 1991. № 2. С. 38.
- 22 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 361.
- 23 Там же. С. 360; ср.: Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 131—132.
- 24 Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 72.
- 25 Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 175.
- 26 Там же. С. 189.
- 27 Марр Н. Я. История Грузии. Культурно-исторический набросок. СПб., 1906. С. 29—30.
- 28 Бердзенишвили Н. А. Указ. раб. С. 391.
- 29 См. Джанашиа С. Н. О времени и условиях образования Абхазского царства // Джанашиа С. Н. Труды. Т. 2. Тбилиси, 1952.
- 30 См. Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- 31 Ефрем Мцире. Повествование об обращении грузин, о том, в каких книгах о том упоминается / Текст издала, введением, указателями и словарем снабдила Т. М. Брегадзе. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Кекелидзе К. С. История грузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1960. С. 262—263 и др. (на груз. яз.).
- 32 Хрестоматия по древнегрузинской литературе / Сост. С. И. Кубанейшвили. Т. I. Тбилиси, 1946. С. 27—28 (на древнегруз. яз.).
- 33 В одном из вариантов цитируемого апокрифа говорится о проповеди именно среди сванов / Картлис цховреба. Т. I. С. 42—43.
- 34 Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуйц-у» (Армянской географии VII века). Ереван, 1963. С. 101 (на арм. яз.).
- 35 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. С. 401—402; ср. С. 42—43. См. также: Дидебулдзе З. Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. Тбилиси, 1983.
- 36 Вместе с тем, как отмечал Вс. Ф. Миллер, осетины «не имели общего народного имени... главная восточная ветвь осетин называется только себя иронами и не дает этого имени ни западным осетинам — дигорцам, ни южным — туальцам» (Миллер Вс. Ф. Указ. раб. С. 109).
- 37 Лопатинский Л. Кабардинский словарь // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. X. Тифлис, 1890. С. 4.
- 38 Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949. С. 270; ср. Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990. С. 164—168 и др.
- 39 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. С. 53, 82, 270; Т. II. М., 1973; С. 15, 49 и др.
- 40 Георгика / Изд. С. Г. Каучишвили. Т. V. Тбилиси, 1963. С. 58.
- 41 Джавахишвили И. А. История грузинского народа // Соч. Т. II. Тбилиси, 1983. С. 140 (на груз. яз.).
- 42 Нарты. Осетинский эпос / Сост. Т. А. Хамицева и А. Х. Бязырова. Под ред. В. И. Абаева. Т. 2. М., 1989. С. 32—33.
- 43 Нарты. Осетинский эпос. Т. 3. М., 1989. С. 11.
- 44 Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царзонта. Владикавказ, 1990. С. 110 и сл.
- 45 Абаев В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 412.
- 46 Там же. С. 413.
- 47 Ср. Лордкипанидзе М. Д. История Грузии в XI — начале XIII века. Тбилиси, 1978. С. 82—83; Шангелиа Н. С. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси, 1969. С. 247—248 (на груз. яз.).
- 48 Хрестоматия древнегрузинской литературы. Т. I. С. 351.
- 49 Кекелидзе К. С. Указ. раб. С. 592—593.
- 50 Георгика / Изд. С. Г. Каучишвили. Т. 7. Тбилиси, 1967. С. 23; см. также: Бибилов М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Кавказа и Северного Причерноморья (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М., 1981. С. 41.
- 51 Георгика. Т. 7. С. 23.
- 52 Тогошвили Д. Г. Сослан-Давид. Владикавказ, 1990. С. 32.
- 53 Картлис цховреба. Т. II. С. 46, 76.
- 54 Там же. С. 65.
- 55 Марр Н. Я. Древнегрузинские описцы. СПб., 1902.
- 56 Кекелидзе К. С. Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1956. С. 312—313 (на груз. яз.).

- ⁵⁷ См. *Кекелидзе К. С.* Идея братства народов Закавказья в сочинении грузинского историка XI в. Леонтия Мровели//*Кекелидзе К. С.* Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. I.
- ⁵⁸ *Леонтович Ф. И.* Адамы кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883. С. 18—19.
- ⁵⁹ *Гутнов Ф. Х.* Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 31.
- ⁶⁰ Об истории этнонима осетины см.: *Ахведиани Г. С.* Сборник по осетинскому языку. Т. I. Тбилиси, 1960. С. 211 и сл.; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 100 и сл.
- ⁶¹ *Гутнов Ф. Х.* Указ. раб. С. 26.
- ⁶² *Кекелидзе К. С.* Идея братства народов Закавказья... С. 96, 97 и сл.; ср.: *Ронин В. К.* Франки, вестготы, лангобарды в VI—VIII вв.: политические аспекты самосознания//*Одиссей. Человек в истории.* 1989. М., 1989. С. 70—74.
- ⁶³ *Картлис цховреба.* Т. I. С. 444, 466, 507; *Гвасалия Дж. Г.* Очерки исторической географии Восточной Грузии (Шида Картли). Тбилиси, 1983. С. 108 и сл. (на груз. яз.).
- ⁶⁴ *Еремян С. Т.* Указ. раб. С. 36.
- ⁶⁵ Там же. С. 36, 119; Грузинские документы IX—XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР/Пер. и коммент. С. С. Какабадзе. М., 1982. С. 102. «Крцхинвали» — топоним грузинский, означает «широколиственный лес», см.: *Орбелиани С.-С.* Соч. Т. 4. Ч. 2. Тбилиси, 1960. С. 234 (на груз. яз.).
- ⁶⁶ В основе названия Ачабети лежит фамилия одного из могущественных родов раннесредневековой Абхазии — *Ачба*. Возможно, названия Ачабети, Ачабетское ущелье возникли вследствие контактов грузинских и абхазских феодалов и связанного с ними колонизационного процесса внутри Грузинского царства феодальной эпохи. Ср.: *Бердзенишвили Н. А.* Указ. раб. С. 608.
- ⁶⁷ *Вахушти Багратиони.* Описание Грузинского царства/Изд. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1973. С. 370—371 (на груз. яз.).
- ⁶⁸ Ср. *Ковалевская В. Б.* Указ. раб. С. 137—140.
- ⁶⁹ *Артамонов М. И.* Указ. раб. С. 360.
- ⁷⁰ Ср. *Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.* К изучению византийско-северокавказских связей//*Византийский временник.* Т. 44. М., 1983. С. 190, 193, 195; *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 108—109.
- ⁷¹ *Миллер Вс. Ф.* Указ. раб. С. 34.
- ⁷² *Март Н. Я.* История Грузии. С. 28.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.

Ossets in Context of Georgian History (Pre-Mongol Period)

Ethnocultural penetration of Ossets' predecessors into Georgia in early Middle Ages is considered by the author in present paper. During Pre-Mongol period it was sporadic and reflected in military glowing of ancient Ossets (Alans) to Zakavkazye. In the 11th — first quarter of the 13th centuries the arisen feudal Georgian state stood in close political and cultural connection with the Alanian state of the North Caucasus. Ossets settling on the Georgian territory began only after and due to the Mongol invasion to Georgia as well as to Zakavkazye at large.

G. V. Tsulaya